

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

На пороге евразийского синтеза: Н. Я. Данилевский о будущем России в цивилизационной истории и эсхатологический финализм К. Н. Леонтьева

Двухсотлетие близких русских мыслителей-традиционалистов прошло совсем недавно: в 2001 году – Леонтьева, в 2002 – Данилевского. К сожалению, это осталось почти не замеченным культурным сообществом, пожалуй, за исключением многозначительной октябрьской ссылки Президента России на главный труд последнего. Актуализация их наследия представляется нам безотлагательным внутренним обязательством современной отечественной интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: Россия, Европа, Византизм, славянство, историософия, эсхатология.

Говоря о главных предтечах евразийского направления отечественной мысли XX века, редко указывают на то, что Данилевского и Леонтьева можно почитать прямыми и ближайшими крупными продолжателями дела А. С. Хомякова (1804 – 1860), начало которому было положено его «Записками о Всемирной Истории» в незавершённой попытке прорисовать те фундаментальные макроисторические обстоятельства, в которые вписано существование российского мира.

Н. Я. Данилевский (1822 – 1885), относившийся с большим почтением к А. С. Хомякову и также выделявший два потока мировой истории, подобные хомяковским «иранству» и «кушитству» – «небесный» и «земной» – по праву, однако, считается родоначальником учения о структурно-морфологическом многообразии культурно-исторических типов, развёрнутом в книге «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому» (1869 – 1871). По об-

разованию Данилевский был естественником, участвовал в многолетних научных экспедициях и в 1879 г. был назначен директором Никитского ботанического сада в Крыму... Эти обстоятельства великолепно были запечатлены в глубокой стихотворной эпитафии А. А. Фета «Памяти Н. Я. Данилевского» (1886 г.):

*Если жить суждено и на свет не родиться
нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне
стезя! –
Отдавая мысли широкой, доступной все-
му,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую
тюрьму.
Постигая, что мир только право живущим
хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать
ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду
отыскал.*

«Профессиональные» интересы нашли явное отражение в культурно-исторических представлениях Данилевского. В природном мире он увидел не до конца разрушенное райское бытие и стал критиковать учение Ч. Дарвина с теологических позиций: гармонию Вселенной, которая явлена человеку в красоте окружающего мира, невозможно объяснить без допущения идеи целеустремлённости всего сущего к взаимной согласованности. В основе этого согласия лежит недоступное разумению Божественное целоположение. Такое исходное положение прямо противоречит дарвинизму с его представлением о борьбе видов как движущей силе эволюции: по Данилевскому, не борьба низших сил – а высшая гармония лежит в основе мирового движения.

Всё сущее, считал он, развивается по единому закону – закону зарождения, расцвета и увядания. Любое целостное образование – есть замкнутый мир, живущий в силу свыше отпущенных ему возможностей, исчерпывая которые оно иссякает, уступая место иным видовым единствам... Такая динамическая морфология растительного мира – «жизнь многолетних растений» – положена Данилевским-ботаником и в основу истории

культур: историю можно считать чередованием (или – сосуществованием) самобытных, эквивалентных по своей ценности больших и малых культур. В основе каждой из культур в качестве её энергетического центра лежит энтелехийное национальное начало – используя язык святоотеческого богословия: своеобразный «семенной логос» нации, способный к саморазвитию, благодаря сообщённой ему свыше Божественной энергии. Совокупность племён, ощущающих своё единство в образе жизни, в языках, в стиле, может развиваться в культурно-исторический тип, который в своём жизненном цикле проходит следующие стадии: первичного эпического формирования; складывания государственности и обретения способности к самозащите; наивысшего расцвета, сопровождающегося появлением искусств, наук, религии; и, наконец, постепенного превращения в «этнографический материал» с утратой государственной независимости и культурной самобытности... Данилевский выделил более десятка таких культурно-исторических типов: «египетский»; «китайский»; «ассири-вавилонно-финикийский»; «халдейский» или «древнесемитический»; «индийский»; «иранский»; «еврейский»; «греческий» (о нём автор пишет весьма своеобразно, предвосхищая интуиции антиковедческой мысли XX века и продолжая характерологию П. Я. Чаадаева, предпочитавшего мир Ислама классицистическому грекофильству: «Религия греков есть, собственно говоря, поклонение самодевятой красоте, и потому от неё веет эпикуреизмом, который и есть, собственно, особенное греческое мировоззрение – их национальная философия...»); «римский»; «новосемитический» или «аравийский»; «германороманский» или «европейский»; с некоторыми оговорками выделяются также «мексиканский» и «перуанский» культурно-исторические типы, разрушенные в результате внешнего вторжения раньше, чем они смогли окончательно сформироваться. «Европейский» культурно-исторический тип, по Данилевскому, вступает в полосу упадка, разложения и должен быть сменён «восточно-славянским», центром которого является Россия, призванная освободить православный Царьград, павший в 1453 году... Восточнославянская цивилизация окажется способной развить экономику не в ущерб ре-

лигиозным, художественным и нравственным ценностям, как это случилось на Западе...

Конечно, сегодня мы можем сказать, что Данилевский в известном смысле переоценивал внутренние возможности русского мира идти в перспективах ближайших полутора столетий не-западным путём: «...Россия, - пишет он, - есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объёма власти или части её каким-либо сословием или всею массою граждан, изгнание законно царствующей династии и замещение её другою».

Возлагая слишком большие позитивные упования на реформу 1861 года, автор пишет: «С обеспечением правильности и законности в престолонаследии, с введением гражданственности и порядка в казачестве и, наконец, с освобождением крестьян иссякли все причины, волновавшие в прежнее время народ, и всякая, не скажу, революция, но даже простой бунт, превосходящий размер прискорбного недоразумения, сделался невозможным в России, пока не изменится нравственный характер русского народа, его мировоззрение и весь склад его мысли; а такие изменения (если и считать их вообще возможными) совершенно выходят из круга человеческой предусмотрительности».

На самом деле, оказывается, что вовсе не выходят, ибо ещё в 1830 г. шестнадцатилетний мальчик Миша Лермонтов написал своё удивительное «Предсказание»:

*Настанет год – России чёрный год –
Когда царей корона упадёт,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек: -
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож.*

*И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.*

«Это романтическое по форме стихотворение, - отмечал сто лет спустя Н. А. Бердяев, - предвидит ужасы революции почти за столетие» («Истоки и смысл русского коммунизма»). Но лермонтовское поэтическое прозрение российской исторической судьбы созвучно пророчествам его современника преп. Серафима Саровского, который ещё в 20-е годы XIX века говорил: «До рождения антихриста произойдёт великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты разинский, пугачёвский, Французская революция – ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдёт гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение Церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведёт её путём страданий к великой славе!..»; «Всё то, что носит название «декабристов», «реформаторов» и, словом, принадлежит к «бытоулучшительной партии» – есть истинное антихристианство, которое, развиваясь, приведёт к разрушению христианства на земле и отчасти Православия и закончится воцарением Антихриста над всеми странами мира, кроме России, которая сольётся в одно целое с прочими славянскими странами и составит громадный океан, перед которым будут в страхе прочие племена земные. И это так верно, как $2 \times 2 = 4$ ».

Возвращаясь к Данилевскому, надо заметить, что он не только переоценивает во след Хомякову жизнестойкость славянского фактора (даже с учётом той «форы», которая была открыта ему через пророчества преп. Серафима!), но и явно недооценивает жизнеспособности западного мира, равно как и грандиозность и планетарный размах его закатной – хочется сказать: апокалиптической! – «вечерней» судьбы. Под её жерновами Данилевский провозглашает «права» каждого народа на культурно-историческое творчество, и тем самым пытается реабилитировать

пред лицом истории те культурно-исторические тенденции, которые оказались в стороне от магистрального пути современной цивилизации – а он в существенных чертах носил в последние столетия всё-таки западноцентрический, *закатный* характер.

Согласно справедливому умозаключению Данилевского, каждый народ по-своему воспринимает мир и выражает это в создаваемой им культуре: следовательно, и наука для разных народов – не одна и та же! Данилевский предпринимает попытку дать собственную, весьма нетривиальную, классификацию наук, разделяя их на субъективные (математику, логику) и объективные, имеющие некое «внешнее содержание» и подразделяемые на общие, изучающие универсальные мировые сущности (материя – химия; движение – физика; дух – метафизика), и сравнительные, изучающие видоизменение материальных и духовных сил, и, следовательно, формирующие не всеобщие, а частные законы. По Данилевскому, нет совершенно нейтрального бытия в человеческом опыте, а поскольку «все явления общественного мира суть явления национальные», то, можно подумать, что для него не существует идеала, пригодного на все времена и для всех народов. И эта мысль порождает упреки в некоем гносеологическом релятивизме мыслителя. Но интересно определение истины, которое даёт Данилевский: «...истина есть знание существующего – именно таким, каким оно существует...». Здесь гносеологический и онтологический аспекты истины, в принципе, уравновешены, а потому едва ли справедливо замечание Авдеевой в словаре «Русская философия» (М., 1995), что, якобы, «по мнению» Данилевского, «не стройность и даже не истинность является залогом влиятельности той или иной концепции, а то, насколько она отвечает интересам, чаяниям, глубинным неосознанным стремлениям народа, носителя ”национального начала“» – автор «России и Европы», будучи естественником, никогда не отрицал объективного бытия мира...

В конце своей книги Данилевский обращается к русской литературе, давая ей очень высокую и даже крайне патетическую оценку (особо контрастирующую с поздним розановским соображением о том, что «Россию убила литература»): словесность высту-

пает у него как самое яркое свидетельство жизненности русской культуры и гарантия её грядущих исторических перспектив. Особенно выделены «Мёртвые души» Гоголя (сравниваются с «Дон Кихотом» Сервантеса и в результате оцениваются даже выше последнего...), «Борис Годунов» Пушкина (ставится выше Шиллера и сопоставляется с драматическими хрониками Шекспира), «Война и мир» гр. Л. Толстого (называется эпическим полотном, вообще не имеющим аналогов в европейской литературе – так, позднее О. Шпенглер будет писать о следующем толстовском романе: «К уровню его «Анны Карениной» никто даже близко не подошёл...»). Также особо отмечена Данилевским картина художника Иванова «Явление Христа народу», в которой ему видится исключительно провиденциальное значение и своеобразный символизм: «Только истинно самобытные русские люди, как Гоголь и Хомяков, поняли и отдали справедливость «Явлению Христа народу» Иванова... Задача художника состояла в изображении того разнообразного впечатления, которое должна была произвести на мир идея христианства при первом своём появлении; впечатления, которое, как в зерне, заключало бы то влияние, которое она произвела при дальнейшем своём развитии... На почве и средствами самой строгой действительности должна была быть представлена самая идеальная духовность. Такую трудную задачу едва ли когда-нибудь задавал себе художник».

Интересно, что в своём культурно-типологическом учении Данилевский отнюдь не отрицает единства Всемирной Истории, в чём его совершенно безо всякого к тому основания упрекал В. С. Соловьёв, с которым полемизировал Н. Н. Страхов в статьях «Наша культура и всемирное единство» (1888 г.) и «Последний ответ г. Вл. Соловьёву» (1889 г.). В другой статье «О книге Данилевского «Россия и Европа»» (1886 г.) Страхов писал: «Для обыкновенного историка такое явление, как, например, Китай, есть нечто неправильное и пустое, какая-то ненужная бессмыслица. Поэтому о Китае и не говорят, его выкидывают за пределы истории. По системе Данилевского, Китай есть столь же законное и поучительное явление, как Греко-римский мир или гордая Европа».

О метафизически пролонгированном единстве мировой истории свидетельствует заключительное замечание в книге Данилевского, каждая глава которой сопровождается эпиграфами из поэзии А. С. Хомякова, равно как и вся книга завершается хомяковскими поэтическими строками о России, к которой «все народы с духовной жаждой собрались»: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим, Царьград, достигает в невозможной чистоте до Киева и Москвы; другой – земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течёт мимо Афин, Александрии, Рима в страны Европы, временно иссякая, но опять обогащаясь новыми, ещё более и более обильными водами. На русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоём». Здесь можно не только узреть черты будущей сталинской империи с её высокой риторикой, разрушаемой в последующие десятилетия XX века, но и увидеть в прорисовываемых «двух потоках» хомяковские модели уранического «иранства» и геоцентрического «кушитства», но уже с точки зрения реализации высокой утопии их «слияния», под которым, впрочем, можно понимать и земную реализацию «торжества Православия». Завершая главу о «вероисповедных различиях» России и Европы, Данилевский пишет следующее: «Православное учение считает православную церковь единою спасительною. Здесь не место касаться того, как понимать это по отношению к отдельным лицам. Но смысл этого учения кажется мне таков по отношению к целым народам: неправославный взгляд на церковь лишает само Откровение его достоверности и незыблемости в глазах придерживающихся его и тем разрушает в умах медленным, но неизбежным ходом логического развития самую сущность христианства, а без христианства нет и истинной цивилизации, т. е. нет спасения и в мирском смысле этого слова».

Ближайшего последователя Данилевского К. Н. Леонтьева (1831 – 1891) можно назвать самым драматичным русским куль-

турфилософом XIX века, и не даром он неоднократно сопоставлялся с Ницше... Нас будет интересовать прежде всего его труд «Византизм и славянство» (1875 г.), где развёртывается полемика с Данилевским (которого он считал своим учителем, наряду с Хомяковым, вершинное положение наследия которого, согласно Леонтьеву, навсегда останется в истории русской мысли), равно как и со славянофильством вообще. Леонтьев сам по себе представляется человеком уникальной судьбы, одна только внешняя канва которой не может не вызывать интереса: военный лекарь – участник Крымской войны; дипломат, много поездивший по Средиземноморью и Ближнему Востоку; талантливый писатель, благословлённый в литературный мир самим И. С. Тургеневым; яркий публицист традиционалистской ориентации; православный философ, ставший перед смертью в 1891 г. монахом – иноком Климентом, духовным отцом которого был сам преп. Амвросий Оптинский... Ещё в 1871 г. (за двадцать лет!) во время смертельной болезни тифом Леонтьев переживает глубокий духовный кризис и даёт обет Богородице послужить Богу, стать монахом, после чего получает чудесное исцеление... Между тем, афонские старцы, к которым Леонтьев обратился после выздоровления, благословляют его на возвращение в Россию и продолжение мирского пути.

Леонтьеву присуще предельно расширенное понимание феномена эстетического: «Эстетика, как критерий, приложима ко всему, начиная от минералов до человека. Она поэтому приложима и к отдельным человеческим обществам и к социологическим, историческим задачам. Где много поэзии – непременно будет много веры, много религиозности, и даже много живой морали. Надо поэтому желать, чтобы в будущей России (и во всеславянстве) было побольше поэзии, не в смысле писания хороших стихов и романов, а в том смысле, чтобы сама жизнь была достойна хорошего изображения. Эстетика жизни гораздо важнее отражённой эстетики искусства» (Из письма будущему отцу Иосифу Фуделю, 1888 г.).

Методологическая и генетическая близость к славянофилам не мешает ему выступить в качестве более принципиально их полемиста, нежели прогрессисты-западники: «Для того, чтобы отнестись правильно к Ив.

Вас. Киреевскому, Хомякову и братьям Аксаковым, надо хорошо изучить, во-первых, Данилевского, во-вторых, надо обратить внимание на те оттенки, которыми отличался Катков от Ив. Аксакова в реформенный период и до конца их деятельности. Потом надо познакомиться со взглядами Герцена на Европу и Россию; наконец, полагаю нелишним обратить внимание и на мои славянофилам возражения, там и сям разбросанные... Данилевский... прямо даже говорит, что прежние славянофилы напрасно впадали в излишнюю "гуманитарность"...» – надо, правда, заметить, что сами Данилевский и Леонтьев пошли противоположным путём: «натурализации» и «физикализации» феноменов культуры. Это не менее далеко от подлинного символического миропонимания, лежащего в основе традиционной культурной жизни, как и подстановка на место загадочного кантианского «трансцендентального единства апперцепции» известного «глобального человекевейника» гуманистической цивилизации...

Наследуя центральную идею Данилевского о культурно-исторических типах, Леонтьев, однако, развивает свою типологию в доктринальной полемике с ним и – шире – со всеми славянофилами, о чём свидетельствует уже название его основного культурологического труда – «Византизм и славянство». «Византизм» как принцип религиозной, государственной и культурной жизни, противопоставлен здесь «славянству» как началу племенному и, следовательно, низшему и деструктивному, согласно леонтьевской логике (сама «национальная политика» рассматривается автором в одной из его работ «как орудие всемирной революции!»): «Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных. Ничего подобного мы не видим во всеславянстве. Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры». Однако, при всей своей указанной неопределённости, славянство представляется Леонтьеву проводником деструктивного европейского

влияния: носителем принципов конституционализма, равенства, демократии – т. е. признаков вырождения жизненных сил, по леонтьевской схеме... Вообще XIX век, согласно его пониманию, представляет собою эсхатологический период, не имеющий аналогов в истории: влияние народов друг на друга приобретает глобальный характер, традиционный процесс смены культурно-исторических типов готов окончательно прерваться, что чревато глобальной катастрофой, бедствиями, неизвестными доселе людям, которые теперь отуманены «прогрессом» и не видят как многообразие культурных форм гибнет в планетарном «смесительном упрощении». Поэтому учение о культурно-исторических типах, воспринятое Леонтьевым у Данилевского, обретает у него самого ярко выраженную эсхатологическую окраску.

Панацея Леонтьеву видится в отдалении от Европы и славянства и сближении с Востоком – однако, в конце работы «Византизм и славянство» звучит мотив разочарования в исторических возможностях России вообще, во многом (хотя и с отрицательным знаком) напоминающий чаадаевские настроения, тематизирующие идею «молодости России»: «Молодость наша, говорю я с горьком чувством, *сомнительна*. Мы прожили много, *сотворили духом мало* и стоим у какого-то страшного предела...». В письмах Фуделю Леонтьев говорит ещё более горькие вещи: «...нужно "творчество"! А способна ли к нему русская и вообще славянская кровь? Боюсь, что не способна! А впрочем Господь, когда захочет, то не только «из камней», как сказано в Писании, но и из этого подлого славянского теста воздвигнет пророков...»; «...православные греки, православные турки, православные немцы, даже искренно православные евреи – всё будет лучше этой скверной славянской отрицательной крови, умеренной и средней во всём, кроме пьянства и малодушия!». В другом месте Леонтьев говорит, что какой-нибудь православный монгол всё будет лучше русского либерала.

В основе леонтьевского пессимизма и разочарования в исторических способностях славян лежит представление о том, что культурам, также как и людям, отпущен определённый срок жизни – в среднем 1000 лет... Культуры-долгожители Египет, Китай – многозначительные исключения, объясняемые их

изоляциями: чем меньше культуры общаются с себе подобными – тем дольше они живут... Вослед Данилевскому, Леонтьев выдвигает идею универсального бытийного закона о трёх стадиях существования любых энергосистем во времени: рождение → цветение → гибель; этот процесс необратим во времени, и на уровне культур эти стадии характеризуются им как: «первичная эпическая простота» → «цветущая сложность» → «вторичное смесительное упрощение». Россия, по Леонтьеву, вступила уже в эту последнюю фазу. Мыслитель предсказывает многие метаморфозы XX века: например, псевдореставрацию псевдомонархии на коммунистической основе (сталинизм), равно как и то, что философия будет служить этой новой идеологии «как собака»... Впрочем, излишняя натурализация-биологизация культурно-исторического процесса, пневматологического в своей основе, а также чрезмерный культурно-морфологический детерминизм закрывали для Леонтьева иные, не вписывающиеся в его схему возможности... Известна розановская оценка своего учителя Леонтьева как «русского Ницше»; более того, Розанов резонёрствовал, что, мол, тот, немецкий Ницше – не настоящий Ницше, а вот, наш, Леонтьев,

это – настоящий Ницше! Но если немецкий Ницше, сближаясь с метафизическим традиционализмом, черпал «последнее утешение» в архаической идее «вечного возвращения» – то «русский Ницше» был эсхатологом до конца последовательным: полное и необратимое уничтожение всего постороннего, что, конечно, ставит под серьёзный вопрос любые футурологические возможности в повторяющемся комбинаторном времени пред лицом необратимой для её пилигримов вечности. Впрочем, это – другой аспект традиционалистской метафизики, который должен быть учтён в предстоящем возможном евразийском синтезе отечественной интеллектуальной культуры.

Таким образом, мы видим, что руссо-ведческая историософия у Данилевского – вне всякого сомнения *эпична*, тогда как у Леонтьева – *финалистична*. Здесь кроется главное качественное различие их мыслительной фактуры, позволяющее, однако, говорить о неполноте рассмотрения одного из них без другого.

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2023